

Посвящается Эллиоту

Ложь успеваеt пройти полмира,
пока правда надевает обувь.

Чарльз Сперджен¹

¹ Чарльз Гаддон Сперджен (1834–1892) — баптистский проповедник, оказавший значительное влияние на протестантское проповедничество в целом и заслуживший прозвище «властелин проповедников».

ПРОЛОГ

Я отказываюсь любить тебя. Отказываюсь заботиться. Отказываюсь стараться. Хватит.

Возможно, тебя это удивит, но, несмотря на твою жестокость и эгоизм, несмотря на всю ту боль, которую ты мне причинила, мне хватало сил за тобой присматривать. А теперь они иссякли. Довольно.

Теперь я церемониться не стану. Ты мне больше не нужна. И все теплые воспоминания о былом я выкидываю на свалку, потому что они давно обесценились. Большую часть времени, прожитого вместе, я мечтала о нормальных отношениях, которых у нас никогда не было. И не будет. До меня наконец дошло, что играть надо теми картами, которые сдала судьба, — других не выпадет. Поэтому я бросаю их на стол. Игра окончена.

Отныне мы просто живем под одной крышей. И ты значишь для меня не больше, чем ставни, которые скрывают все, что происходит внутри, или половицы, поскрипывающие у меня под ногами, или разделяющие нас двери.

* * *

Слишком долго я тратила свою жизнь на то, чтобы разобраться в твоих странностях, и страдала от твоих поступков, которые раз за разом словно ножом рассекали зарубцевавшиеся раны. Но хватит! Я больше не собираюсь отказываться от себя самой ради твоего счастья,

потому что это дорога привела нас в ад. Слишком долго я искала твоего расположения. Слишком многим жертвовала из страха перед тобой. Когда я начинаю вспоминать упущенные возможности, мне хочется опуститься на четвереньки, уползти в дальний угол сада и сжаться в комок на голой земле, чтобы меня навсегда скрыли крапива и плющ.

Только теперь я начинаю понимать, на какую жалкую жизнь ты обрекла меня из страха остаться один на один со своим горем.

Из нашей жизни вдвоем я извлекла единственный урок: мои пороки — это твои пороки. Мы — единое целое. И когда я умру, твоё пламя потухнет тоже.

В следующий раз, когда мы окажемся вместе, я бы хотела, чтобы одна из нас лежала в гробу, окоченевшая и обряженная в лохмотья, нелепо свисающие с мертвого сморщенного тела. Только тогда мы сможем разделиться. И стать самими собой. Только тогда у меня появится шанс обрести покой. И освободиться от тебя.

И если моя душа взлетит, то я обещаю, что твоя опустится на самое дно, словно камень. И больше ее никто никогда не увидит.

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1 МЭГГИ

Отсюда, из своего «вороньего гнезда», я вижу всех. А меня не видит никто. Я знаю это точно, потому что сколько бы я ни махала проходящим мимо по улице соседям, ни разу ни один из них мне не ответил. Я невидима для мира. Стерта с лица земли. Меня больше не существует. Я — призрак.

Тень среди теней в темной спальне, отгороженной от света надежными ставнями. Когда на улице не горят фонари, здесь царят сумерки, даже в самые солнечные дни. Вот почему всякий раз, сходя вниз, я щурюсь, пока глаза не привыкнут к дневному свету. Поначалу, когда ставни только установили, мне казалось, будто я задыхаюсь от тесноты, отрезанная от внешнего мира. Но постепенно я к ним привыкла. Как и ко всему остальному. Жизнь научила меня приспосабливаться.

Теперь я называю свою спальню «вороньим гнездом», потому что она напоминает мне наблюдательный пост, вроде тех, что располагались на самой высокой мачте корабля и назывались именно так. Забираясь туда, моряки могли обозревать океанские просторы на многие мили вокруг.

Я вижу лишь наш тупик.

Например, сейчас я наблюдаю, как Барбара усаживает свою мать Элси в машину. Барбара всегда находит время, чтобы помочь своей старухе. Она чудесная дочь, любящая мать ею гордилась бы. С недавнего времени Элси пере-

двигается исключительно с ходунками, такими алюминиевыми, с колесиками спереди. Я помню, как она жаловалась на артрит в коленном и голеностопном суставах. Боли усиливались, и противовоспалительные препараты, которые можно было достать в аптеке без рецепта, уже не помогали. Сколько раз я уговаривала ее записаться на прием к доктору Феллоузу! А однажды даже предложила подключить свои связи в больнице, чтобы ее приняли в удобное время. Так нет же, упрямится! Считает, что обращаться к врачу можно не чаще, чем раз в год, за плановой прививкой от гриппа.

Интересно, вспоминает ли она обо мне? Спрашивает ли, почему я больше не прихожу к ней на кофе по четвергам ровно в половине четвертого? Много лет мы педантично придерживались этой традиции. Я возвращалась с работы домой, брала с полки банку с кофе (потому что тот, который заваривала она, я пить не могла — слишком уж он был горький, зато продавался во всех супермаркетах), и пару часов мы решали мировые проблемы и перемывали соседям кости. Я скучаю по той болтовне. Временами Элси посматривает на наш дом, и мне нравится думать, что она все еще обо мне помнит.

Машина Барбары выезжает со двора, катит под моим окном и уходит дальше мимо дома номер сорок вниз по улице. Агентство по аренде недвижимости, похоже, совсем про него забыло. Из моего «гнезда» хорошо просматривается задний двор. И, боже мой, что же с ним стало! Если бы предыдущий владелец, мистер Стедман, увидел, в какой свинарник превратился его прекрасный сад, то перевернулся бы в гробу. Лужайка заросла, а живая изгородь, которой он так гордился и, не жалея сил и времени, подравнивал, потеряла форму. Везде валяются пустые жестянки и упаковки из-под фастфуда. Нынешней молодежи на все наплевать — никакого уважения.

Внуку мистера Стедмана давно следовало бы продать это место. Но, возможно, не так-то легко найти покупателя на дом, где труп предыдущего владельца пролежал незамеченным несколько недель. Я единственная заподозрила неладное, когда из переполненного почтового ящика стали вываливаться газеты и шторы изо дня в день оставались закрытыми. Если б могла, сразу забила бы тревогу...

На обочине у столба электропередач припарковалась красная машина с вмятиной на переднем бампере. Это Луиза из восемнадцатого дома. Когда она выходит, я вижу по наметившемуся животику у нее под футболкой, что она снова беременна. Я рада за нее и надеюсь, что теперь ей повезет больше. В прошлый раз она не смогла выносить малыша: однажды ее увезли на «Скорой», и вернулась она уже в прежней форме, словно ничего и не было. Даже представить себе не могу, какая это мука — сообщать окружающим о такой утрате. Мне кажется, когда человек теряет то, что так стремился любить, в нем неизбежно происходит надлом.

Интересно, она все еще подрабатывает кассиршей? Давно не видела ее в униформе. Вот про мужа ее я знаю точно: он так и водит такси. Свет от фар его машины часто прорезает сумрак моей комнаты, когда он возвращается домой после ночной смены. Иногда, если мне не спится, я подхожу к окну и смотрю, как он сидит за рулем с выключенным двигателем в полной темноте. Я часто задаюсь вопросом, почему он сразу не заходит в дом. Мечтает о иной жизни — не той, что ждет его за дверью?.. Я тоже не прочь куда-нибудь мысленно унести. Увы, как говорится, не все мечты сбываются.

Больше на улице никого, поэтому я отворачиваюсь от окна. Обстановка в моей комнате небогатая, да мне многого и не нужно: двуспальная кровать с тумбочками по бокам, две лампы, шифоньер, туалетный столик и пуф. Теле-

визор на стене давно не работает, но я не прошу у Нины новый: не хочу, чтобы она думала, будто мне его не хватает. К тому же так хотя бы ничто не напоминает о жизни, которая кипит снаружи и которой я теперь лишена.

Компанию мне составляют лишь книги. Однако даже этих собеседников выбираю себе не я — довольствуюсь тем, что приносит Нина. Одной книги мне хватает на пару дней. Я предпочитаю детективы и психологические триллеры — то, что обещает интригу и неожиданные повороты сюжета. Люблю давать работу своим «серым клеточкам». Однако угодить мне непросто: если я правильно угадываю, кто злодей, то история разочаровывает меня своей предсказуемостью, а если ошибаюсь, то досажую на собственную непрозорливость.

Хорошо бы написать книгу самой. У меня много историй и еще больше секретов. Вот только вряд ли этому суждено сбыться... как и другим моим мечтам. Например, снова выйти из дома. И вина тут лежит прежде всего на мне. Не верю тем, кто говорит, будто ни о чем не жалеет. Любому есть в чем покаяться. Если б у меня была возможность вернуться в прошлое и изменить свою жизнь, я бы запрыгнула в машину времени быстрее, чем вы сможете произнести «Герберт Уэллс»¹.

Вдруг внизу щелкает замок, и до меня доносится голос. Должно быть, я пропустила возвращение Нины.

— Добрый вечер, — кричит она со второго этажа. — Есть кто дома?

— Только я, — привычно сообщаю в ответ, открывая дверь спальни, и замечаю у ее ног два набитых пакета. — Заходила в магазин?

— Ты наблюдательна.

¹ Герберт Джордж Уэллс (1866–1946) — великий английский писатель, известный прежде всего своими фантастическими произведениями, в т. ч. дебютным романом «Машина времени» (1895).

— Как дела на работе?

— Как обычно. Приготовлю курицу по-охотничьи¹.

Ненавижу это блюдо.

— Отлично, — откликаюсь я. — А разве сегодня мы ужинаем вместе?

— Да, сегодня вторник.

— А мне казалось, среда... Вечно забегаю вперед.

— Когда будет готово, я за тобой поднимусь. Подожди немного.

— Хорошо.

Нина скрывается из виду, а я еще долго стою у двери и пересчитываю пигментные пятна у себя на руках. Без солнца новые не образуются — хоть какой-то плюс от заточения. Замечаю свое отражение в зеркале на туалетном столике и поправляю непослушные волосы. Они посидели так давно, что я уже не могу вспомнить, какими они были раньше. Рисую улыбку алой помадой, подкрашиваю глаза, наношу румяна — и тут же стираю; слишком уж ярко они выделяются на бледной коже, делая меня похожей на тряпичную куклу.

Вдыхаю поглубже, чтобы подготовиться к предстоящему вечеру. Когда-то мы были лучшими подругами... пока в один момент *он* все не разрушил. Теперь мы — лишь оставленные им руины.

ГЛАВА 2

НИНА

Открываю духовку и осторожно, чтобы не обжечься паром, снимаю стеклянную крышку с миски, стоящей в самом низу. Куриные грудки уже побелели, и я протыкаю их вилкой, чтобы проверить, готово ли мясо. Мэгги не любит это

¹ Под томатно-грибным соусом с добавлением вина.

блюдо, но мне-то оно нравится, а за готовку в доме отвечаю я. К тому же меня забавляет ее притворный энтузиазм.

Не раздеваясь, наскоро разбираю сумки и рассовываю покупки по шкафчикам. Мэгги больше по душе, когда все аккуратно разложено по своим местам, но я не такая. Мне хватает работы, где приходится соблюдать абсолютную чистоту и порядок. Дома я не хочу напрягаться и бросаю пакеты как придется. Мэгги вряд ли станет переключать их у меня за спиной.

Сегодня в супермаркете было очень людно — возможно, из-за того, что многие пришли за покупками целыми семьями. Измученные родители лихорадочно хватали продукты с полок, отбиваясь от своих отпрысков, беспрестанно дергающих их за рукав и требующих сладостей, игрушек и комиксов. Я смотрела, как матери, устав от детских капризов, вздыхали и закатывали глаза, и думала, что они, счастливицы, даже не подозревают, как им повезло.

Мое внимание привлек годовалый малыш с копной темно-каштановых волос. Он сидел в тележке, свесив вниз пухлые ноги. На одной из них не было ботинка, тот валялся позади него на сетке с мандаринами. Малыш с любопытством смотрел по сторонам и улыбался во весь рот. Мать отлучилась ненадолго и оставила его одного. Я представила, как легко будет похитить этого милого карапуза: просто взять на руки и выйти на улицу. Когда она появилась из соседнего прохода с бутылкой кетчупа, я еле сдержалась, чтобы не сделать ей замечание.

Сегодня было много продуктов по акции и на распродаже из-за истекающего срока годности, поэтому я набрала полные сумки, которые и поднять-то оказалось сложно, не то что тащить до дома. Пришлось ловить такси, что свело на нет всю выгоду. Едва сев в машину, я поняла, что знаю водителя. Я узнала его по профилю и по разрезу глаз в отражении зеркала заднего вида. Натан Робертсон. Мы учились с ним вместе: сначала в средней шко-

ле в Эбингтон-Вейл, а потом недолго в старшей школе в Уэстон-Фэвелл. Он почти не изменился, если не считать залысин и уродливых татуировок на руках. Меня Натан не узнал, да и я не стала представляться: не хотелось всю дорогу домой вспоминать людей, с которыми давно потеряна связь, или обсуждать, как прошли двадцать четыре года с момента нашей последней встречи. К тому же я сомневалась, вспомнит ли он меня вообще. В четырнадцать лет я ушла из школы.

Когда, высадив меня, Натан отъехал, я на мгновение задержалась, чтобы взглянуть на окно, забранное ставнями, на третьем этаже. Мне прекрасно известно, что теперь большая часть жизни Мэгги сосредоточена вокруг него. Это одна из немногих ниточек, которые до сих пор связывают ее с миром. Интересно, сильно ли она страдает от нехватки общения? За ужином Мэгги всегда рассказывает, кого из соседей видела и что узнала. Но мечтает ли она снова оказаться среди них? Наблюдать — не жить, так ведь?

Я как могу забочусь о ней, однако она редко меня о чем-то просит. Даже когда ее телевизор перестал работать, она ни словом не обмолвилась, пока я сама не заметила, что давно не видела его включенным. Не успела предложить отдать его в ремонт, как она заявила, что предпочитает книги — «новости слишком удручают». Настаивать я не стала. Мне же проще. Хотя на ее месте я уже давно сошла бы с ума.

Выхожу из кухни и поднимаюсь в столовую на втором этаже, чтобы накрыть на стол. Стелю кружевную скатерть, подаренную Мэгги ее бабушкой. Всю жизнь она хранила ее «до лучших времен». Но в наши дни это неактуально, сейчас все одноразовое: и вещи, и люди. Возвращаюсь к духовке, достаю курицу, беру тарелки и бутылку «Пино-гри»¹.

¹ Сорт винограда и белого вина.